

А. Я. Живой

Симфония

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

Алексей Живой

Симфония

Повесть

*Мы как трепетные птицы,
Мы как свечи на ветру.
Дивный сон еще нам снится,
Да развеется к утру...*
Эдмунд Шклярский

Глава 1. АРТОТРОГ

В пятницу должен был зайти Артотрог. Он и зашел, с большой головой и седыми ушами. Идель еще спал и видел во сне симфонию печальных деревьев. Когда с них облетели последние листья, и пошел снег, Идель проснулся. Он сел на постели, бросив взгляд в окно. Еще не рассвело. В черном стекле отразились запавшие глаза и взлохмаченные волосы.

Идель попытался припомнить, что же было вчера. Но ничего не получилось, – вчерашний день не возник сам собою. Даже самые важные события не смогли пробиться сквозь головную боль, оставшись на окраинах сознания неяркими всполохами и рождая смутное беспокойство.

Тогда Идель осмотрелся по сторонам и прислушался, сделав попытку определить хотя бы со временем. Время года походило скорее на осень. Снега за окном не было, но в комнате уже было довольно прохладно. Нарушая царившую тишину, шли куда-то часы, почти не различимые во мраке. А в кресле напротив, неожиданным привидением сидел Артотрог. Он курил.

– Давно тебя жду, – пояснил Артотрог свое появление, откинувшись на широкой спинке, и добавил, как бы извиняясь, – Собирайся. Нам пора. Ты же знаешь, она ждет.

– Я чаю попою, – сказал Идель и, натянув на себя свитер, встал, так и не сумев рассмотреть его лица.

Быстро смирившись с тем, что окружающая жизнь непонятна, Идель пошел на кухню. Там, свернувшись в мягкий пушистый клубок, на деревянном полу у батареи спала кошка Пятнаша. Она была черная, с рыжими подпалинами. Идель очень любил свою кошку и мог подолгу играть с ней, разговаривая о всякой всячине. Ему и сейчас захотелось толкнуть тихонько этот теплый комочек и спросить о чем-нибудь. Например, что случилось вчера? Но, он решил не тревожить спящее животное, а тихонько вскипятил воду, налил себе чая и закурил.

В этот час на большой кухне было пустынно и не уютно. Потому он не стал садиться за стол, а, оставшись у окна, глубоко затягивался, разгоняя огоньком сигареты тьму, и вновь пытался рассмотреть серый мир. Ночь за окном еще существовала, но быстро сдавала свои права. Холодный воздух заставил съежиться осенние лужи. Земля постепенно готовилась к приходу снега. Глядя на все это, Идель вспомнил свой сон, и симфония снова зазвучала в нем, просочившись наружу тихими звуками.

– Послушай, – сказал он возникшему из-за спины Артотрогу, – Как здорово.

Артотрог окутался клубами едкого дыма и, помолчав, ответил:

– Странно. Я не сплю уже восьмой день, но ничего похожего не слышал. Это действительно здорово.

Под столом забегали измученные бессонницей мыши. Их вспугнули голоса. Пятнаша

открыла один глаз, повинуясь инстинкту, но ей было ужасно лень просыпаться, и глаз снова закрылся.

– Нам пора, – напомнил Артотрог и, вынырнув из клубов дыма, направился к двери.

– Повинуюсь, – кивнул Идель.

Допив свой чай, он погладил дремавшую кошку и, надев длинное коричневое пальто, последовал за ним.

Покинув квартиру, две фигуры бесшумно спустились по широкой неосвещенной лестнице. Толкнув массивную дверь и оказавшись на улице, Идель поежился, – осенняя прохлада мгновенно окутала его, растекаясь по коже, словно он был раздетым. Его спутнику было все равно. Артотрог не ощущал ни холода, ни жары.

– Идем, – напомнил Артотрог, тряхнув седыми ушами, – Нам пора.

Покидая центр города, застроенный старыми домами, они шли очень долго на север дворами, затем через мосты, потом по бесконечным крышам, подвалам и опять дворами. Идель едва поспевал, пробираясь в полумраке по чердакам и лестницам, боясь отстать от друга, который шел словно по компасу не обращая внимания на препятствия. Артотрога будто что-то несло вперед или подталкивало в спину.

– Быстрее, я боюсь не успеть, – говорил он, кутаясь в свои седые уши, и все прибавлял шаг, – осталось мало времени.

– I am hot, – скулил Идель, – может, отдохнем?

Но Артотрог его совсем не слушал и летел вперед. Наконец, завернув за угол обшарпанного дома и нырнув в очередную подворотню, похожую на сотни других в этом городе, они остановились.

– Это здесь, – сказал шепотом Артотрог и уставился в небо.

Идель тоже закинул голову.

Дома обступили их, словно стены глубокого колодца. Куда-то исчезли почти все звуки городской предрассветной суеты. Кутаясь в свое длинное пальто, во внезапно наступившей тишине Идель слышал, как на другом конце города бился в окно мотылек, пытаясь добраться до лампы. Медленно капала из незакрытого крана вода. Гудели электрические провода, пропуская ток. И вдруг он ощутил едва заметное дрожание воздуха. Из глаз потекли слезы, размазывая ломаные силуэты проявившихся с рассветом крыш.

– Смотри! – закричал Артотрог, вскинув руку, – Это она!

И в ту же минуту упал, сраженный молнией, ударившей ему в глаза. Идель в ужасе бросился прочь. Ему мешали стены, постоянно выставившие перед ним, улицы вдруг обрывались тупиками или никогда не кончались. Молнии, бившие с неба, обжигали пятки. Он метался из одной подворотни в другую, стучался в двери, кричал, пытаясь разбудить людей и найти спасение. Но город словно вымер. Никто не открыл ему. В конце концов, Идель выбился из сил и, прислонившись спиной к стене, стал ждать. И вдруг, словно пытаясь укрыть его от опасности, с неба хлынули теплые струи дождя.

Глава 2. ПЕСТРОТА

Трамвай остановился у парка Челюскинцев, и, скрипнув дверями, выпустил спешащих людей. Среди них был и я, тот, которого звали Игорь. Тогда я еще хипповал и носил длинные волосы. Впрочем, они были слишком густые, поэтому со стороны я часто казался не хиппаном, а просто лохматым парнем. Пришлось обзавестись холщовой торбой, ксивником и феньками, чтобы не путали.

В длинном зеленом свитере и джинсах – осень еще была теплой, – я направился через рельсы к своему техникуму, где учился уже на втором курсе. На боку у меня висела беременная торба, готовая в любой момент разродиться пакетом со спортивной формой. Сегодня кроме двух пар математики и физики, у меня должна была проходить физкультура. К сожалению, не в бассейне, – он у нас шикарный, на зависть всем институтам, – а жаль, поплавать я любил. Правда, не долго. Здоровья не хватало долго плавать, начинал

задышаться.

Преодолев шумный проспект и обогнув круглую площадь, у входа я столкнулся с Профессором.

Это был мой умнейший друг, который разбирался в математике и стихах, читал Библию и слушал БГ, поэтому его уважительно звали Профессором. Я же слыл скорее гуманитарием, в математике разбирался с трудом, едва из-за нее не вылетел уже с первого курса. Спасибо Галине Карповне, не дала загубить молодую жизнь, хотя двойки ставила регулярно, понижая мою самооценку. Но выкарабкался, в конце концов, и перевелся. А на втором курсе жить стало веселее.

Вход в техникум был широкий, с грандиозными дверями и длинными гранитными ступеньками, на концах которых любили посидеть свободные студенты. Иногда даже покуривая в наглу, когда не было поблизости преподавателей. Вот и сейчас Профессор и еще человек пять, робко озирались по сторонам, желая пригубить косяк перед первой парой. Но время было неподходящее, ранее время, зовущее на учебные подвиги. Отовсюду, покинув резиновые трамваи, бурными ручейками стекались к главному входу студенты и преподаватели.

– Хиппуешь, плесень? – кивнул я Профессору.

Среди других студентов моих знакомых не было.

– Хиппую, – согласился Профессор, которого в миру звали Роман, поправив очки, черный берет и нервно сжав пачку сигарет в кармане короткого плаща, – вот покурить хочу, но боюсь.

– Правильно, бойся дальше, – посоветовал я, – вон физичка идет, а за ней и химичка. Сейчас они нам дадут прикурить.

– Здравствуйте! – согнулись мы в полупоклоне, когда учителя одновременно поравнялись с нами.

– Роман, – назидательно заметила едкая химичка, – ты, когда пострижешься, наконец? Хочешь, чтобы тебя за внешний вид из техникума отчислили?

Рядом с Профессором, длинные прямые волосы которого опускались ниже плеч, я опять сошел просто за лохматого, здорового, но немного запущенного парня, а сам Профессор скромно промолчал. Он, хоть и выглядел как бледная немощь, был готов отстаивать свои убеждения и длинные волосы до конца. Хотя и очень мирно. Профессор был убежденным пацифистом и в армию идти не хотел. А потому морально готовился косить под психа, чтобы получить белый билет. Или укрыться в монастыре. Пока варианты были.

Не дождавшись ответа, учителя вошли в здание. Сквозь открытую дверь до нас донеслась трель первого звонка. Я уже было собрался войти внутрь, но засмотрелся на разношерстных студентов, толпой спешивших на занятия. Нам с Профессором довелось дожить до семнадцати лет, когда в стране вдруг наступила свобода. Еще по привычке прессовали за длинные волосы, но жизнь из серо-стальной вдруг в одночасье стала пестрой. Раскрасилась красками и зацвела, запела на все лады. Оказалось, что среди простых студентов есть множество странных людей, которых верховые окрестили неформалами. Только в нашей группе, обретавшейся на иностранном отделении и посвятившей радиоаппаратостроению ближайшие четыре года, – или, кому сколько выпадет, – вдруг обозначилось сразу несколько таких групп. Большинство образовались вокруг стержня из любимой музыки, ибо уже родился рок-клуб. Тогда нам показалось, что старый мир развалила музыка. Она проросла сквозь бетон, вдохнув новый смысл в нашу постиндустриальную жизнь.

Мишка Охрей, например, ходил в заклепках и назывался металлистом. К нему примкнули еще человек пять. Мажоры подались в реперы, ибо это было модно. Их могучая кучка состояла из шести человек. Были также рокобилы и битники в косухах, рокеры, панки с раскрашенными гребнями, и вездесущие черно-красные алисоманы, не говоря, конечно, о хиппанах. Но, нас в техникуме было мало, да и то я в душе уже был готов отколоться. Ибо не так давно осознал, что когда у меня появляется немного денег, то я лучше куплю билет на

паровоз, нежели поеду в Москву или куда подальше на собаках, как мы на своем сленге называли электрички.

И Профессор уже чувствовал раскол в наших рядах, однажды обозвав меня цивиллом за мои несистемные настроения. А я не спорил, меня уже давно смутно тянуло куда-то дальше. Наркотики я не признавал, даже траву. Мне курить-то не очень нравилось, а тем более я не видел смысла расширять сознание, – оно у меня и так будь здоров. А однажды сам БГ-бог нанес удар по взглядам тысяч постоянно посещавших его концерты хиппанов, как-то признавшись, что он не имеет отношения к Системе. В общем, в тот момент мое подсознание уже стремилось куда-то в неясную даль и с Профессором я хипповал второй год больше по привычке. Все-таки он был друг, с которым можно было обсудить много важных вещей. А, кроме того, мы сошлись на почве творчества, – оба писали стихи.

Когда прозвенел третий звонок, мы все еще стояли на опустевших ступеньках, неумолимо опаздывая на урок. Профессор ловил секунды пустоты и, наконец, поймал их. Он выхватил сигарету, поджег ее, три раза нервно затянулся и, довольный как слон, выбросил в урну. А я ждал неизвестно чего.

Вдруг из-за угла массивного здания показалась стайка опаздывающих девчонок, сошедших с громыхавшего в стороне трамвая. Они едва не бежали, тем не менее, оживленно жестикулируя и успевая болтать на ходу. Среди них была одна невысокая девушка средней красоты, одетая в желтую куртку и черные джинсы. На плече болталась небольшая сумка с тетрадками. Девушка была не совсем Клавдия Шиффер, с виду скромная, но привлекательная, с милым лицом и темными волосами до плеч. Глаза, кажется, голубые. Когда она прошла мимо, бросив на нас короткий взгляд, я проверил, – действительно, голубые. И мне показалось, что взгляд этих глаз был довольно робкий, словно она боялась привлечь наше внимание. Но мое внимание она все же привлекла.

– Ты не знаешь, кто это? – спросил я когда, дверь за ней закрылась.

– Не наша, – рассеянно ответил Профессор, – с другого отделения. Ладно, пойдем учиться. Сегодня же контрольная.

– А как зовут, тоже не знаешь? – задал я риторический вопрос, но Профессора уже проглотила огромная дверь.

Глава 3. ПРОКЛЯТИЕ

Я снюсь ей белым днем. Ей страшно. Неровный, лживый, мерцающий свет расплзается по стенам убогой комнатухи, выплывая из угла и делаясь похожим на дым. Она боится меня, как боится уродливого чудовища. Ведь я преследую ее везде. Она бежит, но не может укрыться в суматохе минут, и даже хаос облаков ее не спасет.

Мысль обо мне будет преследовать ее три столетия. Всего лишь три. Ничтожно, мелко и так мало. Она будет мучиться мгновение по сравнению с тем, что выпало мне. Но хотя бы в нем я буду наслаждаться своей адской мстостью. За все счастье, за годы, выпавшие этому существу...

Дождь, смой ее лик с затвердевшего от времени воздуха и навсегда смешай его с грязью, прилипшей к подошвам моих башмаков. Я пройду по уставшей земле, что согнулась под тяжестью своих детей и стала шаром, и везде оставлю ее тяжкий вздох. Лишь ветер, играя полами моего плаща, утешит ее. Пусть так. Пусть будет так...

Глава 4. КОНТРОЛЬНАЯ

Казалось, что можно поспать еще десять минуток. Всегда так кажется, и всегда их не хватает. Еще чуть-чуть и выспишься, но...это обман. Мама ушла на работу рано, забыв поставив будильник на нужное время, и Ольга едва не проспала контрольную, к которой так долго готовилась.

Но к счастью время еще оставалось. Она выскочила из постели, быстро оделась, не

стала краситься, покидала тетрадки в сумку, наскоро перекусила тем, что оставила мама в холодильнике. И уже направилась к дверям. Но, на пути оказалось зеркало.

– Что-то я плохо выгляжу, – внезапно решила Ольга, поставив сумку на пол, – так нельзя.

Контрольная мгновенно отошла на второй план. За окном призывно зазвенел трамвай, отчаливая от остановки. Но все было тщетно.

Взяв расческу, заспанная девушка стала приводить себя в божеский вид. Для начала она долго расчесывала темные пряди, пока не достигла желаемой мягкости. Затем Ольга переключилась на косметику, почти полностью изгнав с лица сон.

– Теперь нормально, – неуверенно кивнула она своему расчесанному и покрашенному отражению. Сверху все было уже хорошо, но, опустив глаза на одежду, Ольга засомневалась. Здесь явно что-то было не так. То ли цветочки юбки не подходили к кофте, то ли кофта к цветочкам. Одевалась она еще минут пятнадцать, меняя наряды, но безрезультатно. Времени следить за собой катастрофически не хватало. Особенно сегодня.

– Ладно, некогда уже, – сдалась Ольга, натягивая джинсы и желтую куртку, – не на бал иду. Итак, почти опоздала.

И направилась к дверям. Но, проходя мимо тумбы в коридоре, на которой лежала ее любимая игрушка, – заяц хороший, его надо погладить, – не удержалась и погладила. А рядом лежал еще мишка с бантиком, которого ей подарили на прошлый день рождения.

– Контрольная по математике, – напомнила себе Ольга, – Ирина Степановна меня не поймет, если я все завалю, она ведь так надеется на меня. Я у нее любимая ученица, после Светки.

Объяснив все это зайцу с медведем, Ольга раскрыла дверь и оказалась на лестнице. Решив, что пешком быстрее, она проскакала несколько пролетов с четвертого на второй этаж, но тут на ее пути возникла соседка, державшая на поводке микроскопическое лохматое создание по имени Бася. А Бася, подстриженный как пушистый шарик, был такой лапусей, что Ольга не смогла удержаться. Минут пять она разговаривала с соседкой о погоде и гладила урчащего от удовольствия Басю. Но, наконец, оторвалась от него и грозно напомнив себе о контрольной, вышла из подъезда.

До техникума было не так далеко, всего три остановки на трамвае или минут двадцать пешком через парк. У нее оставалось не больше пятнадцати минут на все. К счастью подошел трамвай и Ольга забралась в него вместе с другими спешащими людьми, едва не оставив снаружи все свои тетрадки. Протиснувшись в середину сквозь плотную толпу, она несколько раз похвалила себя за правильно выбранную одежду и тут обнаружила, что стоит рядом с девчонками из своей группы. Это было серьезное облегчение, поскольку опаздывать одной было совсем некрасиво, а вот вместе с пятью подругами, из которых две, Маринка и Светка, ходили в отличницах, еще ничего. Железная Ирина Степановна могла и смягчиться. В конце концов, кто же должен написать контрольную хорошо, если не они трое? От этих мыслей Ольга заметно повеселела.

Девчонки, особенно не стесняясь слушателей, делились впечатлениями о вчерашней дискотеке, наперебой рассказывая о том, кто из парней за кем пытался приударить. Тут лидером была Светка, длинноволосая блондинка, которая не только училась хорошо, но и парней меняла как перчатки. «И когда она только все успевает, – с легкой завистью подумала Ольга, – может за нее учиться кто-то другой или она на самом деле такая умная? Мне бы так».

Подруги весело болтали всю дорогу. Ольга больше молчала, осторожно вздыхая. Нет, она не была замухрышкой, но на вчерашнюю вечернику не пошла. Отчего то побоялась. Да и парня у нее не было. Все как-то не складывалось пока. Не самой же знакомиться. Как Светка она не могла. Не тот характер.

К счастью трамвай быстро приехал. Выбравшись за углом техникума из набитого людьми вагона, веселой компанией они устремились к главному входу. На ступеньках у массивных дверей Ольга заметила двух волосатых парней, явно хипповского вида. Один походил на бледнолицего отличника-очкарика, а второй высокий, в зеленом свитере с

холщовой торбой, показался Ольге похожим на заросшего крестьянина. «Станный какой-то, – решила она, бросив осторожный взгляд на высокого парня, – впрочем, если причесать...»

Они успели ввалиться в аудиторию, когда третий звонок еще звенел. Ирина Степановна, оглядев всю компанию, смягчилась.

Глава 5. НОЧЬ ТРАВЫ

Монтуриоль проснулся поздно совсем разбитым. Очнувшись, он быстро оделся и вышел сквозь дверь.

В городе уже во всю кипело веселье. Очень рано начавшийся карнавал наполнил собой все улицы. По ним теперь совсем невозможно было пройти из-за огромного скопления людей. Отовсюду гремела музыка, и слышались радостные крики. То тут, то там раздавались глухие щелчки хлопушечных выстрелов, взрывались шутихи, дождем сыпалось конфетти.

Пробравшись сквозь толпу, Монтуриоль свернул с улицы влево и оказался в узеньком переулочке, застроенном старыми каменными домами. Посреди переулочка стояла огромная бочка с вином, к которой время от времени подходили гуляки со своими кружками и, осушив их, подходили снова.

– Выпей, молодой-красивый, за здоровье дядюшки Сохо, – предложила цыганка, возникшая перед ним в сиянии своих красных юбок.

Монтуриоль выпил, поцеловал ее в губы и пошел дальше. Мимо бежали какие-то люди. Они дудели в дудки и били в барабаны. От этого грохота с хрустом лопались стекла в домах и падали с подоконников горшки с цветами. Миновав переулок, Монтуриоль свернул за угол и столкнулся нос к носу с полицейским. Тот внимательно впился в него глазами, словно припоминая, где он мог видеть это лицо.

– Полицейский, – произнес Монтуриоль, – на улице дождь.

Полицейский немедленно вытащил зонт и раскрыл его.

– Спасибо, мистер, – поблагодарил он, затем развернулся и побежал в сторону соседней улицы.

Добравшись, наконец, до нужного дома, Монтуриоль поднялся на крыльцо и постучал в дверь железной подковой, висевшей на двери вместо звонка. На стук дверь открыл юноша в тибетейке.

– Здравствуй, Салям, – сказал Монтуриоль, – у тебя трава есть?

– Найдем, – ответил медлительный Салям, – заходи.

Монтуриоль вошел в дом и притворил за собой тяжелую дверь, издавшую протяжный скрип.

В комнате на обшарпанном диване сидел Черношварц. Рядом с ним поместился Шифер и маленький Епифан, в обнимку с тощим котом по кличке Мораторий. Маленький Епифан о чем-то горячо просил Черношварца, и тот уже почти согласился поверить ему на слово, но вдруг передумал и твердо сказал «Нет».

Мораторий мягко потыкался носом в епифановский подбородок, что-то промурлыкав ему на ухо. Епифан замолк и успокоился, словно получил все, что хотел. Оказавшись в комнате, Монтуриоль поздоровался со всеми и сел в кресло напротив дивана. Кот тут же спрыгнул на пол, подошел к нему на мягких неслышных лапах и, свернувшись клубком в ногах, сладко засопел.

– Любят тебя коты, – заметил Епифан.

– Меня все твари любят, – спокойно заметил Монтуриоль, – да и я их...

Несколько раз погладив разомлевшего кота по загривку, он вдруг обхватил его тонкую шею железными пальцами и сжал изо всех сил. Кот не издал ни звука, даже не дернулся, приготовившись быстро умереть, когда из него выйдет последний воздух. Затем Монтуриоль не торопясь, развернул белую кошачью морду к себе, словно желая посмотреть, как тот будет умирать.

– Ладно, живи киса, – передумал Монтуриоль и разжал пальцы, отпуская испуганное животное на свободу.

За это время Салям раскурил трубку, затянулся три раза, а потом передал Черношварцу. Тот бережно взял ее черное тело, поднося ко рту. Сделав три положенные затяжки, отдал трубку Шиферу, а сам откинул голову назад и закрыл глаза. Его широкое лицо выразило первую стадию блаженства.

– Кайф, – сказал Шифер и помотал головой.

Трубка пару раз прошла по кругу и, дойдя до Монтуриоля, кончилась. Салям быстро набил новую, пустив ее обычным путем.

– Маловато, – высказался Черношварц спустя двадцать минут, высосав последний глоток едкого дыма из трубки и громко кашлянув, – не мешало бы добавить.

Сговорчивый Салям сходил на кухню и вернулся с алюминиевой кружкой в руках. В комнате пахло аптекой. Наабаджив какую-то смесь, Салям протянул кружку Черношварцу...

Очень скоро небольшая комната заполнилась видениями. Крыша поехала у всех, даже у Моратория. Он громко визжал и носился за огромным белым котом, как две капли походившем на него самого. Шифер сидел в окружении обнаженных дев, которые пытались увести его куда-то далеко, но он все отнекивался и не хотел уходить от заветной алюминиевой кружки, в которой еще немного осталось.

– Я угол дома, – говорил себе Черношварц, лежа на диване и нервно дрыгая ногами.

– Я угол дома, – убеждал он себя, расчесывая грудь руками.

– Уйдите все, – вдруг сказал он наклонившимся над ним четверем высохшим старухам, – Я не знаю вас.

Старухи молчали. Тогда он вскочил и бросился на стену, пытаясь пройти сквозь нее. Но, сильно ударившись, сел на пол, обхватив голову руками, и заплакал. Старухи окружили его и гладили по голове, успокаивая. Но он все плакал.

Тихий Салям смастерил себе петлю, привязал веревку к крюку, на котором держалась люстра, и осторожно повесился. Его легкое тело стало раскачиваться, медленно поворачиваясь в такт скрипам перекрутившейся веревки. Но никто этого не заметил, все разошлись по своим мирам.

Раздобыв пятновыводитель, Епифан расцвел свои видения, и теперь они переливались всеми цветами радуги. Величавые павлины расхаживали перед ним по комнате, то и дело, распуская хвосты. В воздухе, словно в воде, блестящими косяками или по одиночке плавали тропические рыбы, перенесшиеся в комнату прямо с кораллового рифа. Шестигорбый верблюд стоял в углу возле вешалки, сверкая единственным глазом, и монотонно жевал.

А Монтуриоль почувствовал редкий прилив доброты. Всего полдня назад он еще убивал различные существа, повстречавшиеся ему в этом мире, и безмерно устал. Ему хотелось немедленно выйти из оболочки и провалиться куда-нибудь в древность. Стать графом или снова черным рыцарем. Впрочем, это было не важно. Покинуть это тело он всегда успеет. Стоит только пожелать и его примут в любом мире. Убийцы всегда в цене. А потому сейчас можно было, не торопясь, отдохнуть.

Весь вечер он просидел в кресле, разговаривая с маленькой девочкой, одетой в желтое платьице, о пчелах и цветах. Девочка улыбалась ему, и от этого на душе у Монтуриоля становилось тепло и радостно. Он погладил девочку по голове, поцеловал ее в теплый лоб и спросил:

– Чего ты хочешь?

Девочка протянула ему книгу, на обложке которой значилось «Китайская поэзия эпохи Тан», и попросила:

– Почитай мне.

Монтуриоль взял книгу, раскрыл ее на первой странице, пробежал имя автора, – Лю Бинь Ван, – и стал читать вслух:

*Никто в этом мире грязном
В твою чистоту не поверит,
Хоть ты и поешь свои песни
От самого чистого сердца.*

Оторвавшись от текста, Монтуриоль вопросительно посмотрел на девочку.

– Читай, читай, – сказала она. – Я хочу послушать дальше.

Монтуриоль продолжил сочинением Мэн Хаожаня:

*Ты, поднимаясь,
К синей уходишь туче.
Я на дорогу
К синей горе вернулся.*

– Что это? – спросил Монтуриоль, откладывая книгу.

– Это стихи для детей, которые родятся чуть позже.

– Когда?

– Не знаю. Пока родилась одна я. А больше никого нет.

Монтуриоль закрыл глаза, посидел так несколько секунд, потом снова открыл. В комнате стало пусто. Все видения исчезли. Растаяла и девочка. Осталось лишь тихое поскрипывание. Монтуриоль осторожно повернул голову: посреди комнаты, подвешенный на крюке, мерно раскачивался Салям.

– Еще еду, – подумал Монтуриоль и укусил себя за палец.

Но Салям никуда не исчезал, а продолжал медленно рассекать воздух, словно большой боксерский мешок.

Глава 6. ГДЕ ТА ДЕВУШКА

Контрольную по математике я кое-как написал. Вернее списал у Профессора, поскольку та девчонка все никак не выходила у меня из головы. Слава богу, Галина Карповна не заметила, – она у нас строгая, могла запросто выгнать или сразу пару вклеить за обман. Но что мне было делать? Как ни старался сконцентрироваться на цифрах и формулах, ничего не получалось. Когда я спокоен и то не всегда выходило, а здесь – полный абзац логарифмам. Профессору-то что, он с детства математику душой понял. Она ему легко дается, на то он и Профессор, чтобы с цифрами дружить. А мне никак.

Сижу и вспоминаю ее желтую куртку и голубые глаза. Интересное сочетание. И ведь ничего особенного вроде бы не случилось, посмотрела один раз на меня, да и то вскользь. Робко так... Но, чем-то она мне неувовимо понравилась. Зацепила, в общем. Ведь бывает же, что не Клавдия Шиффер, не Памелла Андерсен, и не русская красавица с картины великого художника, а что-то есть. Только не сразу поймешь что.

Весь день пытался ее найти. Между парами прошелся по этажам, заглядывая в аудитории. Безрезультатно. В обед даже заглянул в студенческое кафе, где всегда толпиться множество народа со всех отделений, – должна же она где-то есть? Думал, повстречаю «случайно», может, выпадет вариант познакомиться. Но нигде лица ее не заметил, не мелькнула желтая куртка.

После обеда в перерыве пары снова прошвырнулся по техникуму, даже не пошел курить с Профессором. Хотел было порасспросить знакомых из других групп, не видел ли кто такую девушку, да как-то неудобно стало. Вопрос ведь такой, личный. Неизвестно еще, что из этого выйдет. Может и ничего. Подождем. Главное она у нас учиться, значит, никуда не денется. За один день ее никто не отчислит, даже если двоечница.

Перед тем как ехать домой, постоял немного в вестибюле, пока все студенты домой не

ушли. Профессор смылся сразу после звонка, немного разочарованный, что я отказался идти на концерт БГ. По плану мы встречались с другими хиппанами у метро и собирались все вместе вписаться на концерт Аквариума без билетов, поскольку платить за билеты, было как-то не принято. Я сказал, что приду позже, появилось одно срочное дело.

– Герлу свою искать будешь, обломщик? – проницательно заметил Профессор, – Ну-ну. Если что, мы после концерта пойдем к Базелю и Варьке, у них будет много интересных пиплов. Из Харькова народ подтянулся. Потусуемся. Так что, заходи.

Я кивнул. Может и правда зайду на тусовку.

Минут через двадцать, когда последняя надежда уже умерла несколько раз, я поправил свою торбу и направился к выходу, решив, что дальше ждать полный бесперспективняк. Она, наверное, уже дома. Проскользнула незаметно.

Идти на концерт и тусовку все равно почему-то не хотелось, и я направился к трамвайной остановке, что находилась у входа в парк Челюскинцев. По дороге нагнал двух своих одноклассников. Это были Катька Фукс и Лева Нейман. Лева недавно с пафосом покинул комсомол и собирался стать первым еврейским эмигрантом-битломаном в нашем техникуме. А Катька собиралась замуж.

Теплая осень грела нас вечерними лучами солнца. Ехать нам было несколько остановок по пути. Дальше, им в центр города, а мне все тем же курсом на север. Поболтали, пока не подошел трамвай, набитый возвращавшимися с работы пролетариями. Катька и Лева поднялись первыми, а я еле уместился на площадке, прижатый лицом к стеклу двери.

За окном был парк, в котором я любил гулять, когда выпадала свободная минутка. Вроде бы солнечно в небе, а парк показался мне сегодня каким-то замшелым, словно таившим неведомое под кронами огромных дубов и тополей. Он всегда впечатлял меня своими размерами. Этот парк был огромен. Я, хоть и учился рядом, редко успевал за короткий перерыв проникнуть дальше железной дороги, разрезавший его на две неравных части. Меньшую, ту, что ближе к остановке, я уже понемногу исследовал. Здесь было множество длинных аллей и дорожек. А недалеко от входа в старом охотничьем павильончике, скрытом за деревьями, находилось кафе, куда мы с приятелями заходили выпить по чашке кофе. Иногда я наведывался туда в одиночестве.

Та же часть парка, что лежала за рельсами, соединялась с первой подземным проходом, похожим на выложенный камнем грот, и до сих пор оставалась для меня тайной. Я не знал, что там находится. Но мне всегда хотелось пройти сквозь этот грот и увидеть, что скрывается в глубинах бесконечного парка. Словно кроме меня, туда больше никто не мог проникнуть.

Глава 7. ОСЕННИЙ ПАРК

Был дождь. Дорожки в парке покрылись лужами, трава промокла, а листья на огромных деревьях обвисли. Сам парк погрузился и насутился, быстро став пустотой. Идель долго смотрел, не отрываясь, в глубину аллей, словно пытаясь там кого-то разглядеть. Но не мог. Ни одной живой души сейчас не наблюдалось среди мокрых тополей, лишь дождь пузырил лужи на асфальте.

От задумчивости он очнулся, лишь когда холодный ручеек стек по шляпе за шиворот, заставив его вздрогнуть.

– Да, здесь, кажется, кафе, было, – вспомнил Идель.

Обнаружив, что весь промок, он решил немедленно чем-нибудь согреться. И быстро зашагал по ближайшей аллее туда, где стоял старый охотничий павильончик, в котором располагалось небольшое кафе.

Он прошел не больше сотни метров, когда из-за массивных тополей возникло уютное коричневое здание с башенкой, едва различимое сейчас на фоне листвы и серого дождя. Оно казалось потеряннным и одиноким в этот час, но все же манило тусклым светом своих зашторенных окон, обещая тепло.

Не раздумывая, Идель толкнул дверь. В узком гардеробе, рассчитанном максимум на троих человек, его сразу окутала вязкая темнота. Здесь почти всегда было так, но Идель никак не мог привыкнуть к этому. «Черт бы побрал этих бизнесменов, – подумал он, споткнувшись о порог, – Свет экономят, что ли?»

– Эй, алле! – крикнул он в темноту, желая избавиться от промокшего пальто хотя бы на пятнадцать минут.

Но никто не отозвался. Гардероб был закрыт решеткой. Людей в холле не было видно. Только где-то в углу завозились, и послышалось собачье повизгивание. «Ладно, – решил Идель, – пойду одетым».

Он открыл другую дверь, из-под которой пробивалась полоска света, и вошел в кафе. Внутри почти никого не было. Лишь несколько фигур в глубине. В уютном полумраке играла тихая музыка, пахло шоколадом.

Отряхнул воду с пальто, Идель приблизился к барной стойке и, смерив взглядом худощавого бармена, попросил чашку кофе. Бармен тоже пристально посмотрел на него и спросил:

– Вам шестнадцать есть?

– Есть, – ответил Идель, – даже больше.

– Докажите, – продолжал хамить бармен.

Идель неожиданно для себя вынул из внутреннего кармана паспорт, – и как он здесь оказался, ведь не брал же с собой, – раскрыл на нужной странице и ткнул его в морду худощавому парню.

– У нас кофе только по древне-вьетнамски, – с вызовом заявил бармен, изучив печать. Ему, похоже, вообще не хотелось ничего готовить, несмотря на почти полное отсутствие посетителей.

– Давайте, какое есть, – согласился Идель, – мне все равно.

Бармен снова недоверчиво покосился на него, затем перегнулся через стойку, поманил его к себе и тихо попросил:

– А ну, покажи зубы.

Идель отчего-то послушно открыл рот. Бармен заглянул туда и остался доволен. Он вдруг заулыбался, подал кофе и пошел покурить. А довольный Идель сел в угол за столик и с блаженством стал потягивать густой напиток, осторожно обнимая чашку замерзшими пальцами.

Вдруг рядом кто-то громко зачавкал. Идель поднял глаза и увидел, что за соседним столиком сидит скелет и уплетает картофельные оладьи. Скелет был ужасно простужен. Он постоянно чихал, кашлял и кутался в клетчатый плед. «Странно, – подумал удивленный Идель, – скелет, а оладьи ест».

– Ничего странного, молодой человек, – сказал громко скелет и чихнул.

– Ну, скелет, – вдруг обиделся он, – ну, оладьи ем. А вам какое дело?

– Да я ничего, кушайте, – сказал Идель и отвернулся, неожиданно заметив, что в другом углу сидела какая-то компания. От нее вскоре отделился молодой брүнэт в галифе. На его плечи была накинута стройотрядовская куртка. Брүнэт медленно приблизился к Иделю и спросил:

– Пардон, уважаемый, у вас свободно? А то перекусить не с кем по душам.

– Конечно, конечно, – ответил Идель, – Я только рад буду компании.

Брүнэт отошел к стойке и вернулся с подносом.

– Голова Купидона, – радостно сообщил он, – абсолютно свежая и никакой химии.

Идель оглядел поднос: там действительно лежала голова. Голова моргнула и уставилась на него.

– Не желаете отведать? – предложил брүнэт. – Ну, хотя бы глазик, левый, а, или правый, тоже ничего?

Идель внимательно посмотрел на левый глаз Купидона, тот был карий, а правый – голубой.

– Ну, за компанию, а? – продолжал упрашивать брюнет.

– Ну, разве за компанию, – нерешительно промямлил Идель. – Я, знаете ли, никогда не пробовал.

– И не пробуйте, – подал голос скелет, – Я однажды пробовал, потом неделю животом маялся.

– А ты, старый хрен, молчи! – рявкнул на него брюнет, – Не тебе предлагают. Ты в головах, как свинья в апельсинах разбираешься. Даже хуже.

– Да ты, Аполлинарий, не горячись, пошутил я, – сразу струсил скелет.

– Меня Аполлиналием зовут, – представился брюнет, обращаясь к Иделю, и застенчиво улыбнулся, обнажив передние клыки, – Вампир я по совместительству. А так – шофером работаю.

– Да я, собственно, кофе тут зашел попить, – в конец растерялся Идель.

– Ах, кофе... – сказал вампир и заплакал, – а поговорить? Ведь никто меня не понимает, не любит. А так хочется поговорить иногда.

Он так расстроился, что выронил поднос, и голова Купидона укатилась под стол. Аполлинарий нагнулся, полез за ней, и оттуда, то и дело стали доноситься его всхлипывания вперемешку с чавканьем:

– Никто меня не любит, – хрум – не ценит.

Когда он снова появился и встал во весь рост, голова Купидона лишилась одно уха и правого глаза.

– Грустно мне, – заявил вампир, поставив поднос с обедками прямо перед обалдевшим Иделем, – пойду, покусаю кого-нибудь.

Идель хотел его успокоить, но тут в кафе веселой ватагой, разом уничтожив тишину, вдруг ввалились подгулявшие челюскинцы и стали требовать пива и женщин. Половина из них встала в очередь. Остальные расселись на столах, принялись петь песни и курить махорку. Из-за дыма у Иделя закружилась голова, и недопив кофе он вышел из зала.

В темном фойе Идель споткнулся, уронив зонтик, а когда нашел его, долго шаря по полу на ощупь, кто-то мягко положил ему руку на плечо.

– Тебе все приснилось, милый, – сказал задушевный голос.

– Хорошо, – ответил Идель, – все приснилось.

Он открыл зонтик и снова вышел в парк.

Глава 8. ГОРДАЯ ХЕЛЬГА

Когда в лесной долине закончилась солнечная пора, опали листья с деревьев, и обитатели столицы королевства стали готовиться к празднику осени, в городе внезапно появились они. Предатель из свиты короля открыл ворота Рыцарю Смерти, что привел это войско, и город был захвачен мгновенно. Воздух наполнился предсмертными хрипами. Заполонив все улицы, убийцы в кожаных плащах и медных шлемах предались разбою и грабежам. Их были тысячи. От топота ног, блеска клинков и стонов терзаемых людей, стало трудно дышать. Сотни трупов устлали камни мостовой, плавая в собственной крови.

Король сражался долго, но, в конце концов, с горсткой оставшихся воинов отступил и укрылся в неприступном замке на горе Монтхибелло. И теперь окруженные со всех сторон, обитатели осажденного замка медленно умирали. Там, вместе с королем, волею судьбы оказалась и гордая Хельга, – его сестра, приехавшая в гости на праздник осени.

Нашествие длилось три долгих месяца. За это время Рыцарь Смерти не раз появлялся под стенами, крича, что он захватил уже почти все королевство и, предлагая королю сдаться на милость победителя, но всегда получал отказ. Тогда в крепость летели стрелы и кувшины с зажигательной смесью. Несколько раз в замке начинался пожар, который, к счастью, удавалось потушить. Защитники гибли, храбро отражая одно за другим нападения полчищ врагов, но их оставалось уже слишком мало. За три месяца никто не пришел к ним на помощь, и это означало, что Рыцарь Смерти не обманул их и почти все земли королевства в

его власти. Единственное, что еще спасало жизни короля и его сестры, – неприступные стены замка. Но король понимал, что времени осталось мало.

Понимала это и Хельга. Гордая, неприступная красавица, которая отказала уже пяти женихам, сочтя их недостойными себя. В этот раз она приехала в город, что бы вдоволь повеселиться на празднике осени, и встретиться еще с тремя претендентами, что искали ее руки, но теперь Хельгу ждала иная судьба.

Однажды во время затишья, она вышла на стену замка и увидела внизу лишь догорающий город, над развалинами которого поднимались черные столбы дыма. Ей показалось, что погибли все гости и жители города, и, ничто теперь не могло защитить ее и короля от жестоких убийц. Лучший город цветущего королевства было растоптан захватчиками. Такое случилось впервые, и гордая Хельга заплакала, оттого, что ее молодая беззаботная жизнь скоро закончиться.

И в этот момент ее заметил Рыцарь Смерти. Закованный в черные латы, но с непокрытой головой, он бесстрашно гарцевал под стенами замка совершенно один, не боясь стрел защитников, словно был бессмертным. Рядом шумел горный водопад, наполнявший водой ров. Увидев золотоволосую красавицу, рыцарь вскинул руку в перчатке и крикнул так громко, что его крик перекрыл шум ниспадавшей воды, и повторило эхо, отразившись от скал:

– Ты будешь моей, Хельга, когда все умрут! Ведь я пришел за тобой.

Хельга в ужасе убежала со стен, спрятавшись в башне. Он знал ее имя! Он пришел за ней! И вдруг она вспомнила, что на праздник явилось только два претендента на ее руку, и обоим она уже успела отказать.

Всю ночь она молилась. А на утро, когда чаша ее страданий переполнилась, на окраине издыхающего города явилось неизвестное войско. Пять дней билось это малочисленное, но храброе войско с полчищами Рыцаря Смерти. Кровь залила все земли окрест города и пропитала землю. Но захватчики не выдержали натиска и пустились в бесславное бегство, бросая на пути все награбленное. Много дней преследовали их неизвестные рыцари по дремучим лесам спящих деревьев и казнили всех. Кости разбойников достались в пищу воронам. Предав земле павших, войско ушло туда, откуда явилось. Кто был его предводителем, Хельга так и не смогла узнать.

Когда она поняла, что снова свободна, от потрясения Хельга лишилась чувств. Она провела в полузабытьи недолго, но за это время ее посетили странные видения, похожие на сон. Она бродила по полям, усеянным молодыми фиалками, и от их аромата у девушки кружилась голова. В небе пели птицы, светило молодое солнце.

Потом на пути возник, сверкая золотом крыш, город. Из ворот на белом коне выехал рыцарь по имени Альморади. Посадив девушку на седло перед собой, он увез ее в свой замок с высокими башнями. Там она провела несколько прекрасных недель, окруженная заботой, словно уже была королевой. Давала балы в просторных залах, веселилась на пирах и выезжала на охоту. Этот рыцарь был первым, кто понравился гордой красавице. Он не добивался ее любви, он просто ее любил. И не боялся к ней подойти, в то время как остальные женихи опасались даже приблизиться.

Все шло прекрасно до тех пор, пока один из гостивших в замке вельмож, по имени Органон, ослепленный ее красотой, не захотел обладать ею и не поссорился с хозяином замка. Органон оскорбил его. В ответ Альморади вызвал обидчика на поединок, который должен был состояться тут же, на главной площади замка.

Настал день поединка. Стены вокруг площади были увешаны знаменами с гербами обоих рыцарей. По краям выстроились слуги. На западной стороне оруженосцы Альморади. На восточной – клевреты Органона. Оба рыцаря были имениты и богаты. Хельга должна была наблюдать поединок из окна башни Желания, самой высокой в замке Альморади. И вот протрубили трубы, возвестив о начале боя...

Когда Хельга пришла в себя, ее долго не оставляло ощущение только что закончившейся сказки. Она лежала на постели в башне замка на горе Монтхибелло, рядом

стоял ее брат-король.

– Хвала богам, она очнулась, – произнес король, и добавил, глядя на сестру, не понимая, все ли она помнит, – Мы спасены, сестра.

А Хельга еще долго лежала в постели с закрытыми глазами и наслаждалась этим чувством. Давно уже ей не снились такие прекрасные сны.

Глава 9. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Весь день Ольга чувствовала себя как-то странно. И хотя железная Ирина Степановна была довольна, – контрольную все трое написали на отлично, – это не принесло Ольге особой радости. Чего было не сказать о Маринке и Светке. Те во всю веселились и даже собирались сегодня отправиться на очередную вечеринку. Маринка, как выяснилось, на днях дала отставку своему очередному парню и ей срочно требовался следующий. Жить без мужского внимания она долго не могла.

– На короткое время любой подойдет, – совещалась она со Светкой на большом перерыве сидя в кафе, и задумчиво перемешивая коричневую гущу маленькой ложечкой, – Мне скучно. Он должен меня развлекать, дней десять, пока я не найду настоящего. Ну, хотя бы на следующий месяц.

– На целый месяц? – удивилась Светка, – Ну, ты терпеливая. Я бы так не смогла.

Сидя рядом, Ольга молча поддерживала разговор. Девчонки уже позвали ее на вечеринку, но Ольга еще не решилась окончательно. Одной идти не хотелось, а парня не было. Думая об этом, она все больше расстраивалась. Может, оттого у нее все и шло сегодня наперекосяк. Руки словно не слушались, – несколько раз роняла с парты ручку во время урока, а недавно едва не пролила чашку кофе себе на платье. Даже любимая химия, которую вела любимая учительница, сейчас абсолютно не трогала. Не хотелось ее изучать, хотя Ольга любила разбираться во всяких формулах и реактивах, а сегодня к тому же предстояла лабораторная работа.

Вдруг Ольга вспомнила того хиппи с торбой на ступеньках, что больше походил на обросшего крестьянина. «А ведь он меня откровенно разглядывал, – вспомнила Ольга, – а когда я прошла мимо, еще и вслед смотрел, нахал». Ольга вдруг представила, как они вместе пойдут на вечеринку с Маринкой и Светкой. Но получалось не очень. Все девчонки в этой компании привыкли хвастаться друг перед другом своими парнями, а этот хиппи со своей холщовой торбой вряд ли произведет на них впечатление. Хотя Ольгу его вид почему-то особенно не смущал.

«Да и потом, он, наверное, на танцы не ходит, – продолжала размышлять Ольга, немного повеселев от своих неожиданных мыслей, – А куда он, интересно, ходит? Наверное, туда, куда я не хожу. Впрочем, чего зря мечтать, я ведь сама к нему знакомиться не пойду, как Светка, а он, может, ко мне еще и не приблизиться. Побоится, хоть и нахал с виду, – я со стороны грозная. Мне мама как-то об этом говорила».

Светка незаметно для себя вздохнула.

«Похоже, мы с ним из разных миров и эти миры не пересекаются, – продолжала размышлять девушка, – За последние дни, что-то ни разу не попался, хотя и учимся вместе. Прогуливает, наверное. Путешествует. Хиппи они ведь вечно где-то путешествуют».

В этот момент в кафе вошел тщедушный парень в светлом плаще и черном берете, из-под которого виднелись длинные волосы, собранные в хвостик. Он купил себе чашку кофе и пристроился за столом в углу у грязного окна. Достав из сумки небольшой томик, уставился в него сквозь очки и стал читать.

«Это же тот, второй хиппи, который рядом с ним стоял, – встрепенулась Ольга, – а он, почему не путешествует? Впрочем, мне-то какая разница». Она мысленно одернула себя и укорила за то, что слишком часто вспоминает незнакомого парня.

– Ольга, слушай, – вдруг дернула ее за рукав Маринка, отвлекая от текущих неспешным потоком мыслей, – У тебя ведь скоро день рождения. А ты когда всех

приглашать будешь?

Глава 10. БЕЛЫЕ МЫШИ

Белые мыши кружатся над городом снов. Белые мыши летают над кладбищем дев. Бегу реки помешали десятки ржавеющих слов. Рыжие черви тревожат лежащих в земле королев. Рушится с неба зимы водянистая муть. Падают камнем с небес табуны облаков. Но королев никогда уже им не вернуть. Слишком тяжел замерзающих листьев покров. Белые мыши летают над городом снов. Белые мыши кружатся над кладбищем дев. Бегу реки помешали десятки ржавеющих слов. Рыжие черви тревожат лежащих в земле королев.

Глава 11. ФИЗКУЛЬТУРА И ФРАНЦУЗСКИЙ

Профессор в бассейн не пошел, – он физкультуру не любил и регулярно прогуливал. А я пошел. Мне казалось грех не поплавать, когда есть такая возможность.

– Давай, давай, – подбодрил он меня на ступенях спорткомплекса, что приютился за нашим техникумом, – а я пойду, покурю. Надо новый сонет придумать для журнала.

Проводив взглядом его тощую фигуру, я вспомнил, что мы с Профессором не только хипповали вместе, но и на почве творчества сами выпускали подпольный журнал, где себя же и печатали. Вернее не только себя. Кроме стихов, мы собирали с миру по любой творческой нитке, обходя всех знакомых в техникуме, и печатали их тоже.

Компьютеров тогда еще не было. Да-Да. Хотя нет, один был. Советский. Назывался «Электроника» и мы даже занимались на нем на уроках информатики. Странный был предмет. Но, дома, само собой, такой роскоши ни у кого не было. Зато у меня имелась подержанная печатная машинка «Москва», которая вполне исправно, хотя и криво, печатала буквы. Я ее освоил, и получилась вполне сносная техническая база.

Наш журнал назывался «Дело». Тому была очень понятная причина. Мы просто покупали папку «Дело №» в канцелярском магазине, писали номер выпуска и подшивали туда напечатанные тексты и даже рисунки, проделав в них дыроколом отверстия. Папка получалась толстенная, вызывавшая уважение. Тираж подпольного журнала ограничивался пятью экземплярами, – больше листов с копиркой не входило в печатную машинку. И на эти четыре экземпляра существовала живая очередь. Народ считал, прикалывался и даже стремился потом принести нам что-нибудь свое. К этому дню мы сделали уже целых три выпуска. Такие мы были издатели.

Хоть хиппанам не полагается сильно напрягаться, да и вообще напрягаться, я физкультуру посещал и даже любил. Вот и сегодня, простившись с прогульщиком Профессором, зашел в раздевалку, достал из торбы плавки, принял горячий душ и барахтался положенное время в бассейне вместе с другими одноклассниками, пока нас физрук оттуда не выгнал.

Потом снова принял душ, растерся полотенцем, и попил чаю в буфете. Надо сказать, материальная база у нашего техникума была лучше многих институтов и мне нравилось тут учиться. Мало у кого был не только футбольный стадион, но и свой собственный бассейн. Тем более, что мы с Профессором учились на помпезном иностранном отделении, где все предметы преподавали на иностранном языке. И физику, и химию, и математику и все остальное, кроме русского языка и литературы. Сначала у нас, как у всех, был небольшой ступор, – как же так, ни одного слова по-русски, – но потом привыкли. Даже свой сленг изобрели из французского языка, не хуже хипповских словечек. Идет, например, по коридору мне навстречу Мишка Охрей, а я ему говорю:

– Бонжур, Мишка. Не жалеешь ли в кафе се промене авек муа, ибо я манже хочу очень, а денег иль нья па ни хрена. Угости, силь ву пле.

– Пардон, – говорит Мишка, – у меня самого денег иль нья па. Так что ты деманде их у Жуковского, у него вроде что-то еще осталось. А мне пора алле о сортир. Еще раз, парон.

– Сэ не па бьен, – расстраиваюсь я, – Блин. Ну ладно. Рьен а фер, как говориться, ничего не поделаешь.

И так мы общались каждый день, отлично друг друга понимая, хоть со стороны нас могли принять за слегка помешанных, но нам это даже нравилось. У нас было свой мир.

В тот день я вышел из бассейна слегка разлохмаченный после фена – они у нас тоже были, огромные ведра, куда можно было засунуть голову целиком, как в центрифугу, – и остановился на крыльце, чтобы продлить удовольствие. Хорошее было утро, птички поют. Еще одна пара и обед, а там и день студента закончится. Пребывая в приподнятом настроении, я осмотрелся по сторонам и вдруг заметил ее. Ту девушку. Она шла с подругами мне навстречу. Видно, у них после нас был бассейн. Едва мы встретились глазами, как она вдруг остановилась, словно дальше ей было не пройти. Мы просто стояли и смотрели друг на друга, не решаясь сделать первый шаг. Вообще-то я решительный, но не всегда.

Глава 12. ВЕТЕР С ТИБЕТСКИХ ГОР

Идель сидел дома и скучал. В квартире стояла полная тишина. Выкурив десятую сигарету, он взял в руки расстроенную гитару и, устроившись на диване, стал в задумчивости и тоске перебирать металлические струны. Гитара жалобно застонала, и звук этот принес недолгое утешение. Идель попытался спеть, но по причине дребезжания струн его голос был совсем не слышен, хотя он очень старался. Он пел гимн чукотских шаманов, нараспев повторяя их главное заклинание: «Гет сур пур-шур-шур». Заклинание подействовало, и комната до потолка покрылась снежными сугробами, вьюга заметалась по квартире, выстудив весь воздух. На кухне замерзла капавшая из крана вода. Отломав от носа сосульку, Идель заглянул под диван и обнаружил там молодые кустики ягеля.

– Ну вот, перестарался, – огорчился он. Затем подул на струны и, когда они немного оттаяли, спел другое заклинание: «Гет сур пур бест, он шар увай». Мгновенно изменился климат, и в квартире началось таяние снегов. Когда половодье затопило диван, Идель взобрался на шкаф и втащил за собой гитару. Там уже сидела полярная сова Дашка, а рядом копошилось с десятков полярных мышей. Умная птица следила, чтобы мыши не разбежались, и то и дело сгоняла их в кучу мощным ударом крыла.

... Вода не спадала уже часа три. Идель за это время окончательно заоченел и страшно проголодался. Прямо под ним, рассекая мутную воду, проплывал в кухню благородный северный олень. Его ветвистые рога задели низко висевшую люстру, и осколки стекла со звоном обрушились вниз.

«Ах ты, черт, – подумал с грустью Идель, – где же я теперь новую достану.» Половодье ему уже надоело, и он вдруг вспомнил про спасительную мелодию Даосяолинь, которую слышал однажды в исполнении Мен Цзяо. Мелодия вызывала великую сушь.

Идель тут же заиграл ее, в надежде, что вода быстро испарится. И она действительно стала испаряться с огромной силой. В комнате повис водяной пар, а когда он, наконец, рассеялся, взору взмокшего Иделя предстал живописный вид пустыни Гуахиро. По истрескавшемуся бетонному полу ползали змеи и носились юркие ящерицы.

От палящего зноя Дашка упала в обморок, а мыши попрыгали со шкафа, но тут же были съедены подоспевшей змеей. Из туалета выскочил чукотский шаман и, подпрыгивая по раскаленному полу, побежал на кухню. Там он, сбросив меховое одеяние, нырнул в холодильник, прихватив с собой лишь шаманский бубен.

В эту минуту Иделю захотелось, чтобы подул ветер с Тибетских гор и остудил зной. Но ветер не подул, а Идель так и остался сидеть на шкафу, умирая от жары.

Глава 13. РЕКА ЛЕТА

Меж гигантских гор, за длинные и острые вершины которых цепляются за облака, течет, извивая свое змеиное тело, черная река Лета. К ней ведет из-за горизонта широкая

тропа. На скале, над самой водой, стоит мерзкий страж, сложив за спиной перепончатые крылья и сжав в когтях камни. Словно муравьи, ползут по тропе тысячи людей, сдирая в кровь руки и ноги, но все же добираются до берега Леты. А там уже все равно. Они рушатся с обрыва и, погрузившись в черную воду, всплывают со дна, превратившись в восковые куклы. Страж со смехом кидается в них камнями. Но куклам не больно. Они тихо уплывают вниз по течению, уставившись остекленевшими глазами в небо, которого над Летой нет.

И вдруг страж видит, что один из муравьев задержался на краю пропасти и обернулся назад. Страж спускает на него летающего змея. И змей, обвившись кольцами вокруг жертвы, приносит ее к ногам повелителя.

Первый камень рассекает муравью висок, второй – темя. Муравей кричит и корчится от боли. Третий – вышибает глаз, и тот растекается по скале, теплый и синий. Страж удовлетворен.

– Почему ты не испил из Леты? – тихо произносит он, но муравей бьется в конвульсиях при звуках этого голоса. Рот его судорожно кривится. Четвертый камень вышибает зубы и рвет щеку. Муравей плюется кровью.

– Почему ты не испил из Леты? – повторяет страж.

Единственный глаз муравья становится огромным и стеклянным. Страж видит в нем свое отражение и перестает смеяться и шепчет сквозь клыки, глядя на полудохлого муравья.

– Ты хотел величия, но не хотел испить из Леты? Что ж, скоро ты будешь желать испить из нее, но никогда этого не получишь. А сейчас ты вернешься к муравьям и сделаешь то, что должен.

И страж отвернулся от муравья, забыв о его существовании. А синий летающий змей, по имени Гиперборей, обвинил муравья своим скользящим телом и унес сквозь ржавые облака к белеющей вдали земле муравьев.

Глава 14. «ТЕТ-А-ТЕТ»

«Ну, чего он, стоит и смотрит, – удивилась Ольга, – неужели я действительно такая грозная. Да вроде нет... Да и он с виду не робкий, а стоит»

От нахлынувших сомнений девушка даже сама остановилась посреди двора, хотя они с Маринкой и Светкой опаздывали в бассейн, как всегда в кафе засиделись. Обсуждали неотложные дела, где Маринке прическу делать на день рождения, а Светке, какой лак для ногтей выбрать, старый ей надоел. Так перерыв пролетел. Взглянув на часы, они опомнились и, схватив сумки, бросились на физкультуру. Но, едва вбежав во двор, Ольга заметил его. Того самого лохматого парня с торбой. Только сейчас после бассейна он выглядел неприлично лохматым, а на его голове наблюдался типичный «взрыв на макаронной фабрике».

– Ты чего? – обернулась Маринка, заметив, что подруга как-то поотстала.

– Давай быстрее, – накинулась на нее Светка, – ты что забыла: физрук бешенный, он же нас за опоздание лишний бассейн заставит плыть. За каждую минуту по бассейну. А я люблю купаться или очень медленно плавать. Я же не лошадь так напрягаться.

Но Ольгу что-то словно держало на месте. «Если сейчас не подойдет, – промелькнуло в голове, – то вообще больше о нем не вспомню». А вслух пробормотала:

– Вы идите девочки, я скоро. У меня тут... дело.

Светка с Маринкой удивленно воззрились на подругу, но время поджимало.

– Какое дело? – переспросила Маринка, но затем махнула рукой, – а, как знаешь! Тебе лишние бассейны плавать.

И развернувшись, обе проскочили мимо лохматого парня со странной сумкой и в зеленом свитере, который наблюдал за их разговором. Ольга успела заметить, как Маринка все же смирила его на ходу оценивающим взглядом, задержавшись на секунду, – у Ольги замерло сердце, – но, передумав, прошла мимо.

«Как хорошо, что у нас физкультура», – выдохнула Ольга, и о-ч-е-н-ь медленно стал

подниматься по ступенькам вверх. Мимо, обогнав ее, пробежали одноклассники. Кто-то вышел из здания бассейна. Но парень все стоял, словно кого-то ждал.

Глава 15. ПОЕДИНОК

Первый удар нанес Органон. Со свистом резанув воздух, меч врезался в щит Альморади, украшенный родовым гербом, и едва не расколол его на двое. Ответный удар заставил Органона отступить на шаг назад.

Рыцари на секунду остановились. Они стояли друг против друга, облаченные в тяжелые доспехи, и жаждали смерти. Один потому, что любил, другой потому, что ненавидел. Их окружала толпа челяди, притихшая в ожидании исхода поединка. Органон еще крепче сжал меч и с криком бросился на Альморади. Клинки скрестились со звоном. В ярости Органон наносил удар за ударом, но его противник был сильным бойцом, победившим многих рыцарей. Он отбил все удары, и в ответ сделал резкий выпад, который достиг цели, поразив плечо. Органон пошатнулся, но устоял. На его левом плече доспехи погнулись. Разъяренный, он снова бросился в бой и выбил щит из рук Альморади.

У Хельги замерло сердце. Теперь Органон получил огромное преимущество. И потому зло усмехнулся сквозь забрало, бросив взгляд на башню Желания.

– Прощайся с жизнью, повелитель изнеженных дев. Пришла твоя смерть.

– Ты рано празднуешь победу, хранитель змей. Первым умрешь ты, – ответил Альморади и кинулся на противника.

Его удары посыпались словно град на черного рыцаря. В исступлении Альморади рубил мечом воздух вокруг Органона, то и дело поражая противника. Щит Органона треснул в двух местах, из рассеченного бедра текла кровь. Панцирь прогнулся. А меч Альморади все свистел над его головой, словно дожидаясь минуты, что бы поразить насмерть. Казалось, что Органон вот-вот будет побежден. Но ярость придала ему силы. Он поднял глаза и снова увидел в окне башни Желания Ольгу, с трепетом следившую за поединком.

– Тебе никогда не владеть этой женщиной. После твоей смерти она станет моей. И я сделаю с ней, что хочу! – крикнул Органон и, отбросив изрубленный щит, схватил меч двумя руками.

Вскинув массивный клинок над головой, он нанес Альморади сокрушительный удар в плечо, сваливший рыцаря с ног. Шлема на нем уже не было. Падая, Альморади ударился головой о камни мостовой, и сознание его помутилось. Он видел, словно во сне, подскочившего к нему Органона с занесенным для последнего удара мечом, но не мог пошевелить и пальцем. Время понеслось с невероятной скоростью. Быть может, ему осталось жить одно мгновение. Перед его внутренним взором возникла, сияя золотом волос, Хельга. Она так мало прожила в замке, а он успел влюбиться в нее без памяти. И теперь теряет ее навсегда.

Глава 17. ПРОБУЖДЕНИЕ

Идель открыл глаза и сел на постели. В черное окно стучался ветер, а где-то далеко шумели деревья. Временем владела ночь. Он прислушался и понял, что в нем снова звучит симфония. Звуки ее кажутся белыми снежинками и завораживают, словно колдовство. Казалось, комната с задернутыми шторами мгновенно наполнилась космическими звуками. Тени вещей ожили, отделившись от своей основы, и закружились в магическом танце, заставляя трепетать пламя вспыхнувшей свечи, стоявшей на полке камина.

– Откуда у меня камин? – удивился Идель, но решил оставить все как есть. Если камин существует, значит, он нужен.

Вдруг он заметил, что в комнате не один. Свеча, поднявшись в воздух, поплыла до середины комнаты и остановилась, плавно покачиваясь в воздушном течении. А вокруг нее танцевали десять прекрасных дев с маленькими золотыми коронами на головах. Идель

завороженно смотрел на их танец и чувствовал что-то странное.

Он вдруг увидел себя маленьким ребенком на берегу реки. Мальчик сидел на камне и наблюдал за рыбами, игравшими на солнце серебряной чешуей. А на другом берегу стояла красивая девочка и наблюдала за ним. Ее волосы мягко спадали на плечи, а улыбка казалась улыбкой весны. Идель не знал, откуда она пришла, и что ей было нужно. Но услышал ее мысли и понял, что она здесь ради него. Ей обидно, что он наблюдал за рыбами и совсем не обращал внимания на нее. И тогда он поднял глаза. Девочка все также стояла, но уже не улыбалась, скорее казалась грустной. Она помахала Иделю рукой и растворилась в искрящейся дымке, поднявшейся от воды. Но он уже знал, что судьба свела их навсегда.

И вдруг небо раскололось над ним, обнажив беззвездную пустоту, поглотившую солнце. Ворвавшийся в комнату ветер задул свечу, умертвив танцующих королей, и погасил сияние. На пороге возникла черная фигура в длинном балахоне. Не касаясь пола, она выплыла на середину комнаты, и зазвучали слова:

– Я пришел за тобой.

Идель поднялся, повинувшись, и пошел следом за уплывающей фигурой. Покинув комнату, он очутился на незнакомом пустыре на окраине города. Под ногами хрустели замерзшая грязь, и осколки битого стекла, смешанного с рваной бумагой. Достигнув середины пустыря, фигура в балахоне остановилась. Костлявые руки откинули капюшон, и Идель увидел лицо с рваной щекой и одним глазом. Но, несмотря на уродство, он узнал его.

Да, это был он – Рыцарь Смерти, убийца, которому он преградил путь между мирами.

– Я пришел для того, чтобы отнять у тебя все. И пока ты жив, нет мне покоя. А ее я никогда не прощу тебе, – выбросил слова в морозный воздух непрошенный гость, – И потому сейчас я убью тебя. Но, не здесь.

Непонятная сила подхватила их и швырнула в ночное небо. Идель оглянулся по сторонам. Далекая Земля мерцала под ногами желто-голубым светом. Вокруг была вязкая пустота, почти все звезды на небе погасли. Идель поднял глаза и увидел стоящего по колено в тумане Рыцаря Смерти, который держал в руках длинный зазубренный меч. А за его спиной возвышались две уродливые фигуры с головами волков. «Трое против одного, это подло, – решил Идель, и слева от него в блеске молний возник, явившийся с того света Артотрог с топором в руках, – так будет лучше».

– Пора начинать, – произнес Рыцарь Смерти, и, взглянув на спутника Иделя, добавил, – Что ж, я даю тебе возможность сопротивляться, потому что хочу видеть твои мучения. А потом, когда ты умрешь, насладиться ее болью.

Иделю вдруг стало грустно и противно, что какая-то уродливая тварь, жаждущая его смерти, еще и унижает его, оскорбляя святое. И вдруг он почувствовал себя сильным, словно в нем слилась сила тысячи воинов, вставших на защиту светлых дней. И он понял, что должен убить эту тварь, стереть, не оставив и следа в памяти живущих на земле. Изгнать мерзкое животное снов. И тогда крылья возникли у него за спиной и сверкающая струна в руке. Небо всколыхнулось от жуткого волчьего воя, огласившего просторы тьмы.

Артотрог бился с волками долго, то и дело, отсекая их головы, потому что все они были давно мертвы. Они то сходились, осыпая друг друга разящими ударами когтей, то исчезали, принимая обличие падающих комет, то вновь появлялись, чтобы продолжить бой. Раны их были бесполезны. Нельзя убить то, что уже не живет. И потому они были обречены на вечную битву и слились с пустотой, став созвездием Мертвого волка.

Среди звезд остались лишь двое, ничего не замечавшие вокруг в исступлении схватки. С каждой новой раной ярости в них все прибавлялось. Сверкающая струна отсекала у Рыцаря Смерти правую руку с когтями. А пронзенное плечо Иделя терзала жуткая боль. Но ни один не хотел уступать. А когда ярость их достигла силы звенящего света, они оба обрушились с небес и устремились к желтой земле, теряя на лету свою сущность.

...Взгляд Альморади прояснился. В израненном теле вновь родились силы, и, рванувшись в сторону, он избежал страшного удара, раскроившего надвое камень. Схватив

свое оружие, он вскочил на ноги. Органон уже летел на него, снова заноса меч для удара. Но острое клинка Альморади нашло его грудь быстрее. Органон, пронзенный на вдохе, остановился, выронив меч.

Резким движением Альморади выдернул свой клинок из мертвого врага и поднял оружие вверх, издав победный крик. На секунду задержавшись, словно еще живой, Органон рухнул лицом вниз на теплые камни, заливая все вокруг себя черной кровью. Последним видением его была страшная река, полная восковых фигур.

Бросив ненужный теперь меч, Альморади побрел к выходу из замка и, достигнув поля, опустился в изнеможении на траву. А следом за ним выбежала Хельга и, бросившись ему на шею, стала целовать в губы. И ничто на свете уже не могло помешать им.

ЭПИЛОГ

На Покров пошел снег. Игорь стоял у раскрытой форточки и курил, наблюдая за падением снежинок и прислушиваясь к ночным шорохам. Где-то вдали, за домами, тускло горели фонари. По опустевшему проспекту прошумел и исчез запоздалый трамвай. Деревья, еще местами зеленые днем, теперь казались совсем черными. Падающий снег заставлял их листья трепетать в такт друг другу, отчего рождалась прекрасная белая симфония, словно по мановению дирижерской палочки.

Такие ночи существуют не для сна. Это Игорь чувствовал давно. Закрыв окно, он затушил сигарету и попытался записать ту музыку, что родилась у него в душе. Но музыка не получалась, а получились слова. Вернее, стихи. Он посвятил их любимой девушке, которая спала сейчас сладким сном на другом конце города. Она не могла услышать эту симфонию, но во сне видела все чудесные образы, рожденные падением снега и чувством Игоря, и оттого улыбалась. А Игорь чувствовал себя счастливым. Он решил, что позвонит ей утром и поздравит с наступлением нового дня – дня ее рождения.

Подарок ждал уже двенадцать часов. Это был совсем не колючий еж по имени Мюллер. Он стоял в шкафу и смотрел на мир своими желтыми глазами, словно все вокруг забавляло его: и календарь на стене, и стол, и стул, и даже сам хозяин квартиры.

– Пусть так, – размышлял Игорь, – лишь бы подарок ей понравился. И еще я подарю ей цветы.

С этой счастливой мыслью он решил пойти спать. И едва коснулся щекой подушки, как его мгновенно охватил глубокий сон. А снилась ему все та же белая симфония.

Санкт-Петербург, Сентябрь 2007